

«Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)»

© 2022 С.А. Дубровская

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, научная биография, народно-смеховая традиция, «Рабле и Гоголь», история литературоведения в России, история рецепции творчества М.М. Бахтина.

«Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» – статья М.М. Бахтина, часть которой первоначально завершала диссертацию «Рабле в истории реализма» (1940). Вступление к статье и дополнения относятся к 1970 году, поэтому при публикации автором указаны две даты: 1940, 1970. Статья была напечатана под названием «Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь)» в 1973 году в сборнике «Контекст», издававшемся сектором теории литературы ИМЛИ АН СССР. В 1975 году была перепечатана под названием «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» в сборнике «Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет».

Декларированной статьей научный сюжет вписывается в общую картину длительного и противоречивого процесса восприятия бахтинских идей отечественной гуманитаристикой. «Гоголь и Рабле» – так можно обозначить выбранный отечественным литературоведением ракурс рассмотрения этой научной проблемы.

В первых официальных отзывах на монографию М.М. Бахтина «Рабле в истории реализма» (для Гослитиздата, декабрь 1944 г.) звучат положительные оценки обозначенной проблемы, намечающей, по мнению рецензентов, широчайшие перспективы в изучении русской литературы (Б.В. Томашевский, А.А. Смирнов). Официальные оппоненты диссертации Бахтина (А.А. Смирнов, И.М. Нусинов, Е.В. Тарле) отмечали новаторский характер фрагмента «Гоголь и Рабле», называя показанное типологическое сходство смеха Рабле и Гоголя открытием нового направления в истории русской литературы. Так, Тарле писал: «Русских историков литературы несомненно заинтересует связь и параллели, которые автор устанавливает между Раблэ и Гоголем» [2, т. 4(1), с. 1015].

Дискуссия, развернувшаяся на защите (15 ноября 1946 г.), показала решительное неприятие (а в какой-то мере и боязнь) выбранного Бахтиным аспекта рассмотрения творчества Гоголя. Так, историк русской литературы Н.К. Пиксанов рекомендует прежде показать развитие раблезианской традиции в русской литературе и не универсализировать идею смеха: «И я боюсь, что когда мы будем осмысливать народность или ненародность движения только в аспекте смеха, мы любую народность – средневековую или русскую – снизим и укоротим» [2, т. 4(1), с. 1038].

Тон высказанных рекомендаций выявляет идеологизированную заостренность взгляда на научную проблему. Еще более очевиден перевод проблемы в политический контекст в выступлениях М.П. Теряевой и Е.А. Домбровской, откровенно искажавших идею Бахтина. Теряева, доказывая необходимость классового подхода, запальчиво повторяет «Неправильно это!», Домбровская прямо называет мысль о соположении творчества Рабле и Гоголя порочной.

В ответе Бахтин, не вступая в прямую полемику, объясняет свое видение проблемы, настаивая на важности обращения к ранее не учтенным элементам влиявшей на Гоголя смеховой традиции [2, т. 4(1), с. 1058].

Идеологический аспект спора, прозвучавший во время защиты, нашел свое продолжение в известной истории с рассмотрением диссертации в ВАКе в 1947–1952 гг. В опубликованной в газете «Культура и жизнь» заметке В.Н. Николаева «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения» [см. подробнее: 5], критикующей, по свидетельству Е.М. Евниной, работу руководства ИМЛИ АН СССР, автор прямо называет диссертацию Бахтина «фрейдистским», «псевдонаучным трудом», а работу Ученого совета примером «безответственного, антигосударственного отношения к присуждению ученых степеней» [7, с. 117].

Диссертация М.М. Бахтина не случайно была выбрана автором заметки в качестве объекта критики: защита Бахтина, по свидетельству современников, имела определенный резонанс в московских научных кругах. Так, фигура Теряевой, выступающей во время защиты Бахтина, появляется на страницах «духовного завещания» Л.Е. Пинского «Парафразы и памятования» (1979) [20, с.453], а образ самого соискателя приобретает в одном из пассажей современников черты фольклорного героя [19, с. 117].

Примечательно в этой связи впервые опубликованное В.И. Лаптуном письмо Г.С. Петрова к М.М. Бахтину (начало апреля 1948 года), фиксирующее спокойное настроение комиссии по отношению к бахтинской диссертации: «Есть надежда, что просьба о присвоении степени доктора будет удовлетворена» [12, № 3, с. 182]. Однако, как известно, сложившаяся ситуация ставила под сомнение присуждение ученой степени вообще. Борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом сделала сюжет «Гоголь и Рабле» политически криминальным. Для А.В. Топчиева и А.М. Самарина очевидна крамольность сопоставления Гоголя и Рабле, они не рассматривают проблему как научную. Так, Топчиев прямо предлагает диссертацию «взять на контроль в связи с космополитизмом, проявленным в работе: Гоголь подается как подражатель <...> Хорошо было бы дать на контроль и, может быть, опубликовать замечания, а затем уже решить вопрос о присуждении степени кандидата» [2, т. 4(1), с. 1093].

Результатом высказанных замечаний стало исключение Бахтиным из диссертации фрагмента «Рабле и Гоголь», что, наряду с другими поправками, сделало возможным присуждение ему степени кандидата филологических наук в 1952 г.

Новый отрезок в истории сюжета «Гоголь и Рабле» приходится на конец 1950-х – начало 60-х гг. и связан с ситуацией «возвращения Бахтина» в отечественную гуманитарную науку, случившееся, как известно, благодаря усилиям С.Г. Бочарова, Г.Д. Гачева, В.В. Кожина, Л.Е. Пинского, В.Н. Турбина и др. [3; 8].

Во внутренних рецензиях, сопровождающих издание книги о Рабле, сюжет получает дальнейшее развитие. Так, Л.Е. Пинский, разделяющий мнение Бахтина об «освещающем значении Рабле» [2, т. 4(1), с. 17], актуализирует гоголевский сюжет, признавая органичность традиции гротескного реализма для Гоголя. Гоголевская составляющая раблезианской традиции представляется Пинскому настолько важной, что он считает необходимым напомнить о ней в рецензии на рукопись, в которой этот фрагмент отсутствует: «...изучающего русскую литературу, – подчеркивает Пинский, – заинтересуют страницы, посвященные связи Гоголя с гротескным реализмом (к сожалению, они отсутствуют в настоящей редакции работы, но они имелись в первоначальной, хранящейся в архиве Института мировой литературы) [21]. При публикации рецензии на книгу Бахтина в «Вопросах литературы» Пинский «снял» реплику о гоголевских страницах [22].

В ответ на полученную рецензию Л.Е. Пинского Бахтин в письме к нему (21 февраля 1963 г.) сообщает о своем намерении не только восстановить, но и расширить гоголевские страницы, а также «коснуться элементов карнавальной культуры у Пушкина» [2, т. 4(2), с. 654]. Можно предположить, что Бахтин планировал говорить о судьбах карнавальной культуры в русской литературе, возможно, в русле идей четвертой главы «Проблем поэтики

Достоевского». Как известно, планы остались нереализованными, но гоголевские страницы в рукописи монографии были восстановлены. В редакционном отзыве, написанном А.Г. Соловьевым 8–11 ноября 1964 г. [2, т. 4(2), с. 667–676], прозвучало выразительное размышление о раблезианском «следе» в творчестве Гоголя. Рецензент видел проявление карнавальной традиции в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде», но считал примеры из «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ» [2, т. 4(2), с. 672–673] формальными, не имеющими оснований.

Эта тема опосредовано возникает три года спустя в статье В.В. Кожина «К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века)», опубликованной в журнале «Вопросы литературы». Кожин фактически вводит в научный оборот бахтинский сюжет «Гоголь и Рабле», говоря о присутствии в рукописи диссертации М.М. Бахтина соответствующей проблемы [9, с. 61]. Представленная в статье Кожина бахтинская концепция гоголевского смеха, выпадающая из традиционного (прежде всего «классового») истолкования поэмы «Мертвые души», инициировала выступления исследователей, в корне не согласных с предложенным прочтением. В последнем номере «Вопросов литературы» за 1968 год в рубрике «Трибуна литератора» журнал публикует статьи А. Дементьева «Сомнительная методология» [4] и Д. Николаева «Сатирическое отрицание и отрицание сатиры» [17].

Полемика с Кожинным и Бахтиным актуализировалась Николаевым в 1984 году во введении к монографии «Сатира Гоголя», тринадцать (из шестнадцати) страниц которого посвящено рассмотрению «природы карнавального смеха и его соотношению со смехом сатирическим» [18, с.7]. Признавая несомненную заслугу идей М.М. Бахтина, заметно ожививших, по его мнению, литературоведение последних десятилетий, Николаев подробно анализирует статью «Рабле и Гоголь». Исходный посыл полемики – «почему же М.М. Бахтин объявил смех Гоголя не сатирическим?» [18, с. 18] – заостряет сущностную сторону проблемы. М.М. Бахтин, пишущий о гоголевском смехе, имеет в виду существование двух типов сатиры – сатиры смеховой и сатиры серьезной. Для Николаева же существует единый сатирический смех и поэтому, стремясь доказать неправомочность бахтинского понимания значения слова, полемизируя с ученым, он фактически подтверждает его мысль о «смеховой сатире» Гоголя: «Сатирический смех – тоже одновременно и отрицает и утверждает» [18, с. 9].

Полемические отклики на статью В.В. Кожина прозвучали в 1972 году в монографии Елистратовой А.А. «Гоголь и проблемы западно-европейского романа» [6]. Полемизируя с Кожинным, а фактически с Бахтиным, автор приводит все тот же набор аргументов. Как и Д.П. Николаев, А.А. Елистратова имеет в виду не типологическое сходство (о котором, вслед за Бахтиным, говорит Кожин), а социально-исторический и литературный контекст конкретной эпохи, влияющий на автора, что до определенной степени оправдано. Здесь и содержатся различия в позициях исследователя, занимающегося частной историко-литературной проблемой, и автором, сопоставляющим глобальные явления всемирного литературного процесса в пространстве бахтинского «большого времени».

С публикацией статьи «Искусство слова и народная смеховая традиция (Рабле и Гоголь)» в 1973 г. начинается качественно новый этап в осмыслении бахтинской концепции смеха. Появление статьи в сборнике, издававшемся сектором теории литературы ИМЛИ АН СССР, придавало ей особый методологический статус. Появившаяся в окружении работ М.Б. Храпченко, Ю.Я. Барабаша, А.Ф. Лосева, Я.Е. Эльсберг и др. статья Бахтина приобретала характер официально признанной теории.

Один из первых откликов принадлежит Ю.М. Лотману. В работе «Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции» [13] и в совместной с Б.А. Успенским рецензией на книгу Д.С. Лихачева и А.М. Панченко «Смеховой мир» Древней Руси [14] Лотман, разделяя взгляд М.М. Бахтина на недопустимость одностороннего сведения смеха Гоголя к сатире, считал необходимым дополнить комплекс отношения Гоголя к смеху, рассматривая творчество Гоголя в контексте православной традиции.

В 1976 году на страницах «Литературного обозрения» были опубликованы рецензии С.С. Аверинцева и Г.М. Фридендера на сборник М.М. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет».

Аверинцев в рецензии-некрологе «Личность и талант ученого», размышляя о свободе как сущности Бахтина-исследователя, задается вопросом: «Не отсюда ли проистекает его неприязнь к сатире, с подкупающей открытостью и прямоотой выраженная хотя бы в статье «Рабле и Гоголь» <...>? Однозначно отрицающий, умерщвляющий без “воскрешения” сатирический смех есть для восприятия Бахтина нечто скаредное, чему не хватает самозабвения, щедрости жизни; в укор сатирическому смеху выясняется суть карнавального смеха – Гераклитова огня, расплавляющего все грани» [1, с. 60]. Исследователь, не знающий бахтинской статьи «Сатира» почувствовал, в какой-то мере «угадал» идею Бахтина о разных типах смеха и сатиры. Однако эта мысль не получила развитие.

Отчасти совпадая с Аверинцевым в общей оценке концепции гоголевского смеха, Фридендер дает развернутый комментарий идее карнавальной природы смехового слова Гоголя, вступает в полемику с Бахтиным. «Вряд ли кто-нибудь согласится с мнением исследователя, – подчеркивает Фридендер, – что смех не только у молодого, но и у зрелого Гоголя «несовместим со смехом сатирика»; это полемическое утверждение автора едва ли может быть принято также и для Рабле, хотя оно составляет краеугольный камень развитой им в книге о последнем концепции средневекового и ренессансного смеха. <...> Не убеждает и проводимая параллель между странствиями Чичикова и «веселым (карнавальным) хождением по преисподней» [23, с. 64].

Таким образом, статья «Рабле и Гоголь» воспринимается как фрагмент, как «механическое» наложение готовой теории на художественную практику Гоголя. Отметим, что здесь, как и в случае с выступлениями А. Дементьева, Д.П. Николаева, А.А. Елистратовой, корень расхождения лежит в незнакомстве исследователей с бахтинским пониманием сатиры, которое стало возможным только в 1995 г. после публикации написанной в 1940 г. для «Литературной энциклопедии» статьи «Сатира» [2, т. 5, с. 11–38].

Стремлением «уточнить» некоторые положения бахтинского понимания карнавала и смеха продиктованы выступления Ю.В. Манна. Свою монографию «Поэтика Гоголя» литературовед открывает главой «Гоголь и карнавальное начало», прямо подчеркивая – «постановка этой проблемы может послужить ключом для вхождения в поэтический мир Гоголя» [16, с. 7]. Дискуссия развивается в рамках освоения бахтинского наследия. Последовательно выделяя и анализируя элементы карнавализации у Гоголя, литературовед прямо выходит на проблему гоголевского смеха и его интерпретации Бахтиным: «Значит ли это, что гоголевское творчество всецело наследует карнавальную традицию?» [16, с. 13]. Однако в последующих своих размышлениях Манн сводит смех к карнавализации и ведет полемику по принципу детализации бахтинской концепции карнавала. Что по сути «снимает» декларируемое несогласие и приводит к подтверждению бахтинской идеи в общем выводе главы. К проблеме карнавала, карнавального смеха Манн вернулся в юбилейный год в статье «Карнавал и его окрестности». Обозначая «исходный пункт» своих размышлений, литературовед характеризует бахтинскую теорию комического как «во многом определившую современное понимание этой проблемы в отечественном, а частично и в зарубежном литературоведении» [15, с. 154]. На волне «бахтинского бума» Ю. Манн с удовлетворением отмечает изменившуюся ситуацию отношения к идеям Бахтина: «Одна из заслуг теории Бахтина, – подчеркивает Манн, – состоит в оправдании той области смешного, которая носит название грубой комиксы, той сферы, «которая у Бахтина носит наименование сферы телесного низа» [15, с. 154].

Всем ходом своих размышлений, дополняющих, а точнее – корректирующих бахтинскую концепцию, Ю. Манн показывает возможность ее использования в качестве инструмента современного гоголеведения.

Примером осмысления и освоения бахтинской концепции на рубеже 1970–1980-х гг. стала монография В.Ш. Кривоноса «Проблема читателя в творчестве Н.В. Гоголя». Ставя

перед собой задачу «осознать существо гоголевского смеха в связи с проблемой читателя» [10, с. 2], Кривонос начинает свои размышления с цитирования статьи «Рабле и Гоголь», с одной стороны, подчеркивая дискуссионность обозначенной проблемы, с другой – самой логикой научного повествования демонстрируя расширение горизонта, возможность свежего взгляда на гоголевское творчество. Органичность обращения В.Ш. Кривоноса к идеям М.М. Бахтина в научном пространстве монографий фиксирует тот перелом, который произошел в отечественном литературоведческом сознании конца 1970-х – начала 1980-х гг.

Вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. – новый этап в осмыслении идей М.М. Бахтина отечественным литературоведением. Эпоха советских дискуссий вокруг Бахтина завершается признанием. Более того отсутствие внимания к бахтинской концепции при интерпретации теорий комического не позволяет провести анализ с достаточной степенью глубины. Для ведущих историков литературы М.М. Бахтин – фигура знаковая и авторитетная, классик, создатель новых подходов, опора на которые дает возможность «прочитать» многие сюжеты русской литературы, «увидеть» общие закономерности. В этот период делается попытка поместить М.М. Бахтина в центр гуманитарного мышления, что связано с изданием комплекса философско-эстетических работ ученого. Работа «К философии поступка», сборник «Эстетика словесного творчества» (1986) позволяют говорить о Бахтине-философе, мыслителе, для которого литературоведение было лишь одной из сфер приложения его «методологии гуманитарных наук».

Сюжет «Гоголь и Рабле» получает новое развитие в связи с дальнейшим обращением к этой стороне наследия Бахтина в работах отечественных и зарубежных исследователей середины 1990-х – начала 2000-х гг.

1. *Аверинцев С. С.* Личность и талант ученого // Литературное обозрение. 1976. № 10. С. 58–61.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1–6. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.
3. *Бочаров С.Г.* События бытия: О М.М. Бахтине // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. II. С. 277–294.
4. *Дементьев А.* Сомнительная методология // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 69–90.
5. *Дубровская С.А.* «Культура и жизнь» // Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. С. 166–168.
6. *Елистратова А.А.* Гоголь и проблемы западно-европейского романа. М.: АН СССР. Наука. 1972. 304 с.
7. Из воспоминаний Е.М. Евниной // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 114–117.
8. *Кожин В.В.* «Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа» (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М.М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 109–122.
9. *Кожин В.В.* К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 60–82.
10. *Кривонос В.Ш.* Проблема читателя в творчестве Гоголя. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. 168 с.
11. *Кривонос В.Ш.* «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы. Проблемы повествования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 158 с.
12. *Лантун В. И.* «Располагайте мною по-дружески...» (о годах дружбы М.М. Бахтина с Г.С. Петровым) // Странник. 2014. № 2. С. 187–193. № 3. С. 180–185.
13. *Лотман Ю.М.* Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. I(5).Тарту, 1974. С. 131–33.
14. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–167.
15. *Манн Ю.В.* Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 154–182.
16. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1978. 398 с.
17. *Николаев Д. П.* Сатирическое отрицание и отрицание сатиры // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 91–110.
18. *Николаев Д.П.* Сатира Гоголя. М.: Худож. лит., 1984. 367 с.

19. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.
20. Пинский Л.Е. Минимы / сост. и примеч. Е.М. Лысенко, Е.Л. Пинской, Л.Д. Мазур-Пинской. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 552 с.
21. Пинский Л.Е. Отзыв о книге М.М. Бахтина «Творчество Рабле и проблемы народной культуры средневековья и Ренессанса» // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. I. С. 391–397.
22. Пинский Л.Е. Рабле в новом освещении // Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 200–206.
23. Фридендер Г. Реальное содержание поиска // Литературное обозрение. 1976. № 10. С. 61–64.

«Rabelais and Gogol (The Art of Discourse and the Popular Culture of Laughter)»

© 2022 S.A. Dubrovskaya

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.

Keywords: M. Bakhtin, scientific biography, folk laughter tradition, Russian literary studies, *Rabelais and Gogol*, history of the reception of M.M. Bakhtin.

1. Averincev S. S. Lichnost' i talant uchenogo // Literaturnoe obozrenie. 1976. № 10. S. 58–61.
2. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 1–6. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur, 1996–2012.
3. Bocharov S.G. Sobytiya bytiya: O M.M. Bahtine // M.M. Bahtin: pro et contra. SPb.: RHGI, 2001. T. II. S. 277–294.
4. Dement'ev A. Somnitel'naya metodologiya // Voprosy literatury. 1968. № 12. S. 69–90.
5. Dubrovskaya S.A. «Kul'tura i zhizn'» // Mihail Mihajlovich Bahtin: lichnost' i nasledie: monografiya. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. S. 166–168.
6. Elistratova A.A. Gogol' i problemy zapadno-evropejskogo romana. M.: AN SSSR. Nauka. 1972. 304 s.
7. Iz vospominanij E.M. Evninoj // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1993. № 2–3. S. 114–117.
8. Kozhinov V.V. «Kak pishut trudy, ili Proiskhozhdenie nesozdannogo avantyrnogo romana» (Vadim Kozhinov rasskazyvaet o sud'be i lichnosti M.M. Bahtina) // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1992. № 1. S. 109–122.
9. Kozhinov V.V. K metodologii istorii russkoj literatury (O realizme 30-h godov XIX veka) // Voprosy literatury. 1968. № 5. S. 60–82.
10. Krivonos V.Sh. Problema chitatelja v tvorcestve Gogolya. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1981. 168 s.
11. Krivonos V.Sh. «Mertvye dushi» Gogolya i stanovlenie novoj russkoj prozy. Problemy povestvovaniya. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 158 s.
12. Laptun V. I. «Raspologajte mnoyu po-druzheski...» (o godah družby M.M. Bahtina s G.S. Petrovym) // Strannik. 2014. № 2. S. 187–193. № 3. S. 180–185.
13. Lotman Yu.M. Gogol' i sootnesenie «smekhovej kul'tury» s komicheskim i ser'eznym v russkoj nacional'noj tradicii // Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam. I(5).Tartu, 1974. S. 131–33.
14. Lotman YU. M., Uspenskij B. A. Novye aspekty izucheniya kul'tury Drevnej Rusi // Voprosy literatury. 1977. № 3. S. 148–167.
15. Mann YU.V. Karnaval i ego okrestnosti // Voprosy literatury. 1995. № 1. S. 154–182.
16. Mann YU. V. Poetika Gogolya. M.: Hudozh. lit., 1978. 398 s.

17. Nikolaev D. P. Satiricheskoe otricanie i otricanie satiry // Voprosy literatury. 1968. № 12. S. 91–110.
18. Nikolaev D.P. Satira Gogolya. M.: Hudozh. lit., 1984. 367 s.
19. Pan'kov N.A. Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bahtina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 720 s.
20. Pinskij L.E. Minimy / sost. i primech. E.M. Lysenko, E.L. Pinskoj, L.D. Mazur-Pinskoj. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2007. 552 s.
21. Pinskij L.E. Otzyv o knige M.M. Bahtina «Tvorchestvo Rable i problemy narodnoj kul'tury srednevek'ya i Renessansa» // M.M. Bahtin: pro et contra. SPb.: RHGI, 2001. T. I. S. 391–397.
22. Pinskij L.G. Rable v novom osveshchenii // Voprosy literatury. 1966. № 6. S. 200–206.
23. Fridlender G. Real'noe sodержanie poiska // Literaturnoe obozrenie. 1976. № 10. S. 61–64.